Дискурсы этики. 2025, 2(26): 45—60
ISSN 2311-570X (online)
Постоянная ссылка:
https://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/10/DE2025_2_26_45-60.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2025-2-45-60

УДК 17

ТРАДИЦИЯ И РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

Шавеко Н. А.

статья:
поступила в редакцию 24.07.2025
принята к публикации 05.10.2025
опубликована (онлайн) 18.10.2025

© Шавеко Николай Александрович
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия
адрес для корреспонденции: Nickolai_91@inbox.ru

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Аннотация: Современное российское государство с целью укрепления гражданского единства и общероссийской гражданской идентичности осуществляет политику сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Однако для того, чтобы достичь данной цели, вовсе не обязательно защищать именно традиционные ценности: эти ценности должны быть обращены в будущее, а не в прошлое. Одновременно та идеология, которую образуют эти ценности, не должна быть дискредитирована историческим прошлым России, поэтому переосмыслению подлежит не только либерализм 1990-х гг. и коммунизм советского периода, но и консерватизм царской

России. На Западе в свое время переосмысление либерализма привело к росту популярности республиканизма, и Россия может перенять этот опыт. Республиканская политическая идеология, не отрицающая либеральный тезис о самоопределении личности, подразумевает, что общие ценности должны вырабатываться в рамках широких общественных дискуссий в условиях свободы слова и мнений, а не путём постулирования властью традиций, монополизации исторической правды и принятия различных запретительных норм.

Ключевые слова: традиционные ценности, идеология, консерватизм, либерализм, республиканизм, делиберация.

Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639)

Discourses of Ethics. 2025, 2(26): 45—60
ISSN 2311-570X (online)
permanent link:
https://theoreticalappliedethics.org/wp-content/uploads/2025/10/DE2025_2_26_45-60.pdf
DOI: 10.24412/2311-570X-2025-2-45-60

TRADITION AND RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES: PROBLEMS OF CORRELATION

Shaveko Nikolai

received 24.07.2025
accepted 05.10.2025
published (online) 18.10.2025

© Nikolai A. Shaveko
Candidate of Law Sciences,
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia
Correspondence to: Nickolai_91@inbox.ru

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

Abstract: In order to strengthen civil unity and the all-Russian civic identity, the modern Russian state implements a policy of preserving and strengthening traditional Russian spiritual and moral values. However, in order to achieve this goal, it is not at all necessary to protect traditional values: these values should be directed to the future, not to the past. At the same time, the ideology that these values form should not be discredited by Russia's historical past, so it's not just the liberalism of the 1990s that needs to be rethought. and the communism of the Soviet period, but also the conservatism of tsarist Russia. In the West, the reinterpretation of liberalism led to an increase in the popularity of republicanism, and Russia can learn from this experience. Republican political ideology, which does not deny the liberal thesis of individual self-determination, implies that

common values should be developed within the framework of broad public discussions in conditions of freedom of speech and opinion, and not by postulating traditions by the authorities, monopolizing historical truth and adopting various prohibitive norms.

Keywords: Traditional Values, Ideology, Conservatism, Liberalism, Republicanism, Deliberation.

The research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the form of subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2024-639 dated July 12, 2024)

Введение

Понятие традиционных российских духовно-нравственных ценностей за последнее десятилетие активно вошло в публичный дискурс, а также в нормативно-правовые акты России.

Одной из особенностей этих ценностей является тот факт, что их перечень закреплен официально Президентом РФ. Впервые он был закреплен в 2015 г. в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[1]. Несколько измененный перечень таких ценностей был закреплен в новой Стратегии в 2021 г.[2] Наконец, в 2022 г. указом Президента РФ были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее — Основы), где вновь приведен перечень таких ценностей[3]. Таким образом, традиционные ценности как бы спускаются «сверху», а не формулируются «снизу»; содержание традиции постулируется, а не вырабатывается в рамках исторической науки. Между тем, если целью защиты традиционных ценностей является укрепление гражданского единства и общероссийской гражданской идентичности, как об этом заявлено в Основах, то широкие публичные дискуссии относительно перечня таких ценностей и их содержания представляются гораздо более эффективным средством достижения такой цели. И если государство действительно защищает историческую правду, как об этом заявлено в ст. 67.1 Конституции РФ, а не навязывает свою трактовку истории и свою идеологию, то вопрос о том, что является российской традицией (и свойственной ей

[1] Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации"

[3] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей"

идеи и ценности), должен быть отдан на откуп свободному академическому сообществу.

Ниже, однако, будет проблематизирована сама отсылка к традиции как способ выработки консолидирующей общегражданской идентичности. С этой точки зрения, проблема не только в том, кто определяет содержание традиции, но и в самой значимости традиции для тех целей, которые стоят перед современным российским государством.

Нужна ли нам традиция?

Традиция — это по определению то, что укоренено в прошлом. Однако отдельные аспекты прошлого могут кануть в лету, и тогда речь идёт о прерванной традиции, не находящей отражения и отклика в настоящем. В свою очередь то, что имело место в прошлом, и продолжается в настоящем, не всегда достойно продолжения в будущем. Поэтому, говоря о российских ценностях, мы должны разграничивать три вопроса:

1) Какие ценности были свойственны российской культуре на протяжении истории (и в этом смысле являются традиционными)?

2) Какие ценности свойственны российскому обществу сейчас?

3) Какие ценности мы хотим и далее защищать, а от каких ценностей считаем нужным отказаться?

Совершенно очевидно, что ответы на эти три вопроса не совпадают.

Так, прошлое не тождественно настоящему, поскольку Россия не раз переживала смутные времена, когда рушились старые ценностные порядки, и возникали новые. В XX веке это происходило дважды: сначала большевики искоренили патриархальные устои царской России, а потом либералы отвергли коммунистические догмы. В результате те ценности, которые сегодня разделяют россияне, вовсе не тождественны тем ценностям, которые разделяли их предки. Современные россияне, очевидно, не столь религиозны, как подданные Российской Империи, но и не так верят в коммунизм, как советские граждане. Кроме того, они в большей степени, чем их предки, привержены демократии.

Одновременно настоящее не тождественно будущему, так как те ценности, которые разделяют современные россияне, вовсе не обязательно достойны сохранения в будущем. Это следует уже из т.н. гильотины Юма, то есть тезиса, согласно которому должное не выводимо из сущего.

Но в чем же тогда состоит должное? Конечно, споры относительно этого вопроса никогда не прекратятся, однако следует признать, что в современной России чрезвычайно распространены явления, которые претендуют на статус ценностей, недостойных сохранения, то есть своего рода «антиценностей». Например, описывая современное российское общество, исследователи нередко утверждают, что ему свойственны достаточная высокая толерантность к коррупции [9][4]; правовой нигилизм [6], политическая пассивность и апатия [5, с. 59, 61], неразвитость гражданского общества и частной инициативы [3] и т.д. Причем нередко данные характеристики рассматриваются как глубоко укоренившиеся в силу объективных причин в истории и культуре российского народа.

Представляется, что вопрос о том, какие именно негативные черты свойственны современным россиянам, далеко не бесспорен. Так или иначе, стоит отметить, что высказывая те или иные суждения относительно негативных черт, распространенных у россиян, исследователи зачастую оставляют за скобками реальные социальные факторы, обуславливающие подобного рода явления. Например, нормализация коррупции может быть обусловлена неисполнимостью законов, а неисполнимость законов — желанием власти контролировать население и обогащаться за его счет (ведь если закон невозможно исполнить, то никто не защищен от санкции государственной машины) [2, с. 39-40]. Правовой нигилизм, в свою очередь, может быть связан с ощущением явной несправедливости существующих законов. Примечательно здесь следующее замечание А. Аузана: «Когда в США говорили, что бежал каторжник, то еще до приезда шерифа или появления полиции люди сами брали в руки винчестеры и шли его ловить, а при случае и сами с ним разбирались. В России картина полностью противоположная: в Сибири долгое время выкладывали хлеб, воду и молоко для беглых. Ведь он же несчастный человек, он попал под гнет государственной машины, он, может, вообще не виноват, не душегуб никакой» [2, с. 35-36]. Наконец, неразвитость гражданского общества может объясняться политикой государства

[4] См. также: результаты социологического исследования ВШЭ 2018 г.: https://www.mk.ru/social/2018/10/16/issledovanie-pokazalo-chto-rossiyane-vse-uvazhitelnee-otnosyatsya-k-korrupcii.html (дата обращения 20.08.2024).

по принципу «разделяй и властвуй». В целом, необходимо иметь в виду, что государство заявляет об тех или иных характеристиках русских или россиян как об их культурном коде, следует помнить, что само государство играет не последнюю роль в культивировании этих характеристик (зачастую не столь привлекательных, чем те, о которых провозглашается публично). Следовательно, важно всегда иметь в виду возможность «иной России», иного «культурного кода», зависящего не столько от истории, сколько от текущей государственной политики.

Так, например, А. Аузан отмечает, что в России традиционно отсутствует уважение к закону (т.е. формальным институтам), не ценится договороспособность и склонность к компромиссу (которые интуитивно считываются как признак слабости), нет должной прагматичности и т.д. [2, с. 174-176]. Однако он объясняет наличие соответствующих характеристик «эффектом колеи», который следует понимать как диагноз, а не как приговор [1]. Этот диагноз, с его точки зрения, мешает России нормально развиваться. При этом автор отмечает, что «модернизационные нации избирают те ценности, которые находятся в формальном противоречии с их предыдущими, с их культурной традицией и инерцией, и которые привносят то, чего нации не хватает, чтобы полноценно ходить, — ведь на двух ногах можно передвигаться гораздо быстрее, чем прыгая на одной» [2, с. 172]. В качестве примера Аузан приводит немецкий Ordnung и американский либерализм — характеристики, которые вовсе не были свойственны соответственно немецкой и американской нациям изначально, но были избраны ими в качестве векторов дальнейшего развития. Для России, как представляется, эти замечания в высшей степени актуальны. Многовековые пороки не должны становиться предметом культа: напротив, во имя развития необходимо сформулировать новые ценности. И государство вполне может создать для этого соответствующие условия.

Таким образом, если мы не хотим иметь общество, где все «пьют и воруют», если мы не хотим, чтобы в нашей жизни господствовал «русский авось», если мы хотим избавиться от бытового хамства, невежества и поведения по типу «моя хата с краю», то — вероятно — должны признать, что не всякая ценность, имеющая широкое распространение в обществе, достойна сохранения.

В итоге напрашивается вывод: формирование общегражданской идентичности и обеспечение единства гражданской нации должны, в первую очередь, ориентироваться на некий идеальный образ будущего, разделяемый подавляющим большинством граждан, и на те ценности, которые необходимо привить гражданам, чтобы этот образ был реализован. Именно будущее, а не прошлое или настоящее, является здесь определяющим. Между тем, как верно подметил В. С. Мартьянов, «актуальная российская политика все чаще превращается исключительно в политику прошлого или политику памяти, утрачивая символические ресурсы настоящего и будущего» [10, с. 58]. По мнению указанного автора, пытаясь сплотить россиян вокруг достижений периода СССР (который, между прочим, представляет собой «территориально, культурно и идеологически другое государство»), современные политические элиты забывают, что исторические события сами по себе не выражают какие-либо ценности, но интерпретируются в свете ценностей, которые должны предложить нынешние политические субъекты [10, с. 60-61]. «Дискурс будущего, предлагающий альтернативы настоящему, уходит из активного ядра политической повестки» [10, с. 62].

В этой связи представляется не случайным присутствие на протяжении множества лет в публичном пространстве темы официальной идеологии. Идеология — это и система ценностей, и образ будущего одновременно, она выступает своего рода путеводной звездой, по направлению к которой идёт корабль всей нации. Задача построения единой нации, в свою очередь, не решаема без формулирования внятных новых ценностей и образа будущего. Сегодня выделяют три основных политических идеологии: либерализм, консерватизм и коммунизм. Поскольку коммунистическая идеология дискредитировала себя политическими несвободами и экономической неэффективностью, которые были свойственны Советскому Союзу, а классическая либеральная идеология — «шоковой терапией» и российским failed state постсоветского десятилетия, постольку естественным для нынешней власти казалось естественным обратиться к консерватизму. Однако проблема в том, что консерватизм исторически также был дискредитирован ещё в 1917 году. Крушение Российской Империи произошло не на ровном месте: консервативная власть просто не

смогла ответить на вызовы времени. Соответственно, возврат к консерватизму в историческом плане не менее реакционен, чем возврат к коммунизму или либерализму. Не говоря уже о том, что консерватизм на Западе — это развитие частной инициативы и гражданского общества, а не архаические практики, которые под ним нередко понимаются в России. Архаика же по определению не может быть образом будущего. Итак, в российской истории каждая из трёх основных идеологий уже дискредитировала себя. Современные западные версии либерализма с их гипертрофированной политикой идентичности и мультикультурализмом также вызывают вопросы.

Политика общего блага как ответ на вызовы современности

Но если так, то что должно прийти на смену либерализму 1990-х? И здесь, как представляется, стоит обратиться к западному опыту. Дело в том, что в западном академическом сообществе ещё в 1980-х гг. на фоне усиливающегося социального расслоения, возросшего влияния крупного бизнеса на политику, утраты чувства общности и социальных связей, и проистекающих из этого проблем (увеличивающееся число разводов, преступлений, бездомных лиц, заболеваний алкоголизмом и наркоманией и т.п.) возник т.н. спор либералов и коммунитаристов [4; 12]. Коммунитаристы, помимо прочего, критиковали рыночную культуру либерализма, и отстаивали необходимость формирования и защиты общих ценностей, которые бы дополняли приверженность общим политическим институтам. Канадский политический теоретик Уилл Кимлика выделял три вида «коммунитаризма в широком смысле»: 1) собственно коммунитаризм (продвижение общего образа жизни, т.е. «сильной» и всеобъемлющей концепции блага); 2) (гражданский) республиканизм (продвижение гражданских добродетелей, то есть «слабой» и ограниченной концепции блага); 3) (либеральный) национализм (продвижение общей национальной идентичности) [7, с. 337]. Данная классификация показывает, что коммунитаризм тесно связан с республиканизмом. По крайней мере, в самом республиканизме сегодня также принято выделять два направления — континентальное и итало-атлантическое [13, с. 5-18] — и эти направления весьма схожи с первыми двумя видами коммунитаризма, обозначенными

Кимликой. Республиканизм, однако, сегодня тесно связывается с политическим участием и делиберативными процессами, и в этом смысле означает не просто приверженность общим ценностям и культивирование связанных с ними добродетелей («коммунитаризм в широком смысле»), но и демократический способ выработки этих общих ценностей (хотя исторически республиканизм противопоставлялся демократии). Таким образом, в конце XX века либерализм на Западе активно переосмыслялся. Однако когда в 1990-е гг. распался СССР, в Россию был «экспортирован» тот вариант либерализма, который уже вызывал критику в самом Западе, несмотря на относительные экономические успехи рейганомики и тэтчеризма. В итоге, Россия столкнулась с теми же проблемами, что и Запад, только в гиперболизированном варианте, поскольку никаких институциональных и культурных противовесов радикальному рыночному индивидуализму ещё не было выработано. Но если так, то следует осмыслить те способы противодействия кризису либерализма, которые были предложены на Западе, а именно республиканскую идею.

Следует подчеркнуть, что наиболее популярные версии республиканизма на самом деле не отрицают ключевой для либерализма ценности индивидуального самоопределения: фактически речь идёт лишь о некоторой трансформации либерализма, отбрасывании его крайних форм (отказ от восприятия политики как пространства, в котором индивиды пытаются реализовать свои эгоистические интересы, а также критика крайних проявлений экономического неравенства). В этом смысле республиканские идеи, как представляется, сочетаются с «либеральными» главами 1 и 2 нынешней Конституции РФ. Одновременно республиканизм не следует отождествлять с консерватизмом. Касс Санстейн, например, указывает, что республиканцы не считают необходимым чтить традиции как таковые, и вообще не воспринимают предпочтения индивидов как данность, выступая за их трансформацию в ходе политической делиберации [14, pp.7, 8, 10]. В этом смысле республиканизм может рассматриваться как критика «консервативного поворота» во внутренней политике России 2010-2020-х гг., но критика продуктивная, предлагающая собственные способы решения тех проблем, реакцией на которые и стал «консервативный поворот».

Имплементация республиканской идеи на российской почве, безусловно, может вызвать возражения, связанные с реалистичностью указанного проекта. Те негативные качества, которые, как считается, распространены в российском обществе, определенно способны обострить данную проблему. Однако, как было сказано выше, «культурный код» — это диагноз, но не приговор, и поддается изменению. Тем более что вечевые республики и земские соборы показывают, что совещательное народовластие, отстаиваемое республиканцами, не чуждой нашей традиции. Что касается сегодняшнего дня, то большинство россиян, по крайней мере, считают демократию подходящей для России, и им важно, чтобы в России демократия устоялась[5], тогда как раньше важным для народа являлись наследственные права царя на престол. В этом уже можно усмотреть определенный прогресс. Кроме того, многие исследования показывают, что в России есть готовность к принятию закона как основного социального регулятора [8, с. 174; 11, с. 21-23], что также имеет сильные корреляции с республиканской традицией. Наконец, несмотря на то, что в России, согласно социологическим исследованиям, иерархичность обычно ожидается и принимается членами общества[6], это, с нашей точки зрения, вовсе не говорит о стремлении граждан переложить ответственность на государство, работодателя, главу семьи и т.п. (какого бы то ни было «начальника»). Скорее, речь идет о прагматичности россиян, готовых подстраиваться под обстоятельства, которые они не в силах изменить (вот почему готовность соблюдать закон соседствует у них с толерантностью к коррупции и правовым нигилизмом — россияне и рады бы быть законопослушными, но их не покидает ощущение несправедливости и антинародности законов). Таким образом, следует констатировать, что в России существует определенный задел для реализации республикан-

[5] О демократии. Подходит ли России такая форма государственного правления, как демократия? // Фонд общественного мнения. 17.12.2020.
URL: https://fom.ru/TSennosti/14519. За более ранние периоды см., напр.: Самая недемократичная страна. Россиянам демократия нравится только в теории // Газета.ru. 14.01.2008. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2008/01/14_a_2553902.shtml
[6] См.: https://geerthofstede.com/research-and-vsm/dimension-data-matrix/

ской идеи. И государство может сделать многое, чтобы раскрыть имеющийся потенциал.

Одну из основных ролей при этом должны играть совещательные механизмы. Не секрет, что в современном мире западные либеральные демократии переживают кризис, связанный с усиливающимися из года в год популистскими тенденциями. На наш взгляд, эти тенденции напрямую связаны с переходом к информационному обществу, в котором противостояние манипуляциям и обману стало особенно трудным. Однако если в сегодняшней демократической практике существует множество проблем, то в демократической теории, как представляется, противоядие популизму давно найдено. Так, с 1990-х гг., т.е. приблизительно с того времени, как начала возрождаться республиканская традиция, можно говорить о том, что в западной демократической теории доминирующей нормативной моделью демократии стала совещательная модель. Безусловно, находятся и критики совещательных механизмов. Однако в целом, как представляется, для России потенциал этих механизмов далеко не исчерпан. Скорее, он вообще не задействован, поскольку власть связывает демократию в первую очередь с процедурой голосования на выборах, избегая организации открытых публичных дискуссий по конкретным социальным проблемам.

Важно подчеркнуть, что в задачу данной статьи не входит выработка новой идеологии для России. Напротив, выше показано, что конкретные ценностные ориентиры государственной политики должны вырабатываться в публичных дискуссиях самими гражданами, и именно этот аспект республиканского учения, по нашему мнению, и следует взять на вооружение.

Выводы

В заключение следует снова возвратиться к тезису, высказанному в начале данной статьи, что ценности и идеи, объединяющие нацию, должны вырабатываться в рамках широких общественных дискуссий в условиях свободы слова и мнений, а не путём постулирования властью традиций и принятия различных запретительных норм. Это не только более эффективно в плане сплачивающего эффекта (1), но и позволяет не смешивать

вопрос о фактах (о том, что было, и что есть) с вопросом о ценностях (о том, что должно быть) (2), в свою очередь при формулировании должного не обращаться к дискредитировавшим себя идеологиям (3). Российские духовно-нравственные ценности должны быть обращены не в прошлое, а в будущее, вырабатываться совместно и защищаться посредством совместных социальных практик. При этом легко заметить, что характеристика этих ценностей как «традиционных» оказывается излишней. Вообще, обычно элиты ведут общество к новым идеалам, и это прекрасно видно на примере российской истории: сначала элиты в лице князя Владимира избрали христианство в качестве официальной религии (заметим, эта религия пришла с Запада), потом элиты в лице Петра I избрали курс на построение регулярного светского государства (заметим, снова по европейскому образцу), далее элиты в лице Ленина повели общество навстречу коммунизму (европейской идеологии), и, наконец, в 1990-е годы элиты в лице Ельцина повели народ навстречу западному либерализму. Ситуации, когда элиты, напротив, стремятся «законсервировать» общество, увековечить традицию, являются скорее нетипичными, и зачастую показывают неспособность элит найти адекватные ответы на вызовы времени.

Список литературы

1. Аузан А. А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 160 с.
2. Аузан А. А. Экономика всего. М.: МИФ, 2017. 160 с.
3. Висханова П.Г. Гражданское общество в России: особенности становления. // Аграрное и земельное право. 2017. № 12 (156). С. 50-59.
4. Волкова Т. П. Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается. // Вестник МГТУ. 2004. №2. С. 200-207.
5. Давыборец Е. Н. Электоральная культура в России: становление, развитие, особенности. // Вестник ЗГУ. 2015. №5(120). С. 56-65.
6. Захарцев С. И. Правовой нигилизм в России. // Мониторинг правоприменения. 2015. №2 (15). С. 12-20.
7. Кимлика У. Современная политическая философия: введение. Москва: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 592 с.

8. Латова Н. В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. №4 (19). с. 155-179.
9. Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В., Духанина Л. Н. Отношение россиян к коррупции. // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. №13 (4). С. 407-428.
10. Мартьянов В. С. Российская элита в поисках нации: политика избирательной памяти // Дискурс-Пи. 2020. №4 (41). С. 54-67.
11. Тихонова Н. Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии. 2011. №3. с. 10-27.
12. Шавеко Н. А. Предшествует ли право благу? (Спор между либералами и коммунитаристами). // Полития: Анализ. Хроника. 2020. №3 (98). С. 62-81.
13. Pettit Ph. On the people’s terms: a republican theory and model of democracy. New York: Cambridge University Press, 2012. 338 p.
14. Sunstein c. Designing democracy: what constitutions do. New York: Oxford University Press, 2001. 288 p.

References

1. Auzan, A. A. Kul'turnye kody ekonomiki: Kak tsennosti vliiaiut na konkurentsiiu, demokratiiu i blagosostoianie naroda [Cultural codes of economics: How values affect competition, democracy, and the well-being of the people]. Moscow: AST, 2022.
2. Auzan, A. A. Ekonomika vsego [The economics of everything]. Moscow: MIF, 2017.
3. Viskhanova, P. G. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: osobennosti stanovleniya [Civil society in Russia: features of its formation. Agrarian and land law]. Agrarnoe i zemel'noe pravo [Agrarian and land law], 2017; 12 (156): 50-59.
4. Volkova, T. P. Liberaly i kommunitaristy: diskussiya o sotsial'noy spravedlivosti prodolzhaetsya [Liberals and communitarians: the debate on social justice continues]. Vestnik MGTU [Vestnik of MSTU], 2004; 2: 200-207.
5. Davyborets, E. N. Elektoral'naya kul'tura v Rossii: stanovlenie, razvitie, osobennosti [Electoral culture in Russia: formation, development, features], Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikal State University Journal], 2015; 5(120): 56-65.

6. Zakhartsev, S. I. Pravovoy nigilizm v Rossii [Legal nihilism in Russia]. Monitoring pravoprimeneniya [Law Enforcement Monitoring], 2015; 2 (15): 12-20.
7. Kymlicka W. Sovremennaya politicheskaya filosofiya: vvedenie [Contemporary political philosophy: an introduction]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vysshey shkoly ekonomiki, 2010. 592 p.
8. Latova, N. V. Kul'turnaia spetsifika rossiian (etnometricheskiĭ analiz na osnove kontseptsii G. Khofsteda) [Russians' Cultural Specificity (An Ethnometrical Analysis Based on Geert Hofstede's Concept)]. Vestnik instituta sotziologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2016; 4 (19): 155-179.
9. Maksimenko, A. A., Deyneka, O.S., Krylova, D.V., Dukhanina, L.N. Otnoshenie rossiyan k korruptsii [The attitude of Russians to corruption]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology], 2020; 13 (4): 407-428.
10. Martianov, V. S. Rossijskaya elita v poiskah nacii: politika izbiratel'noj pamyati [Russian elite in search of a nation: selective memory politics]. Diskurs-P [Scientific journal «Discourse-P»], 2020; 4(41): 54–67.
11. Tikhonova, N. E. Dinamika normativno-tsennostnykh sistem rossiian i perspektivy modernizatsionnogo proekta [Dynamics of normative-value systems of Russians and prospects of modernization project]. Vestnik instituta sotziologii [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2011; 2 (2): 10-27.
12. Shaveko, N. A. Predshestvuet li pravo blagu? (Spor mezhdu liberalami i kommunitaristami) [Does the right precede the good? (The dispute between liberals and communitarians)]. Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) [Politeia], 2020; 3 (98): 62-81.
13. Pettit Ph. On the people's terms: a republican theory and model of democracy. New York: Cambridge University Press, 2012. 338 p.
14. Sunstein c. Designing democracy: what constitutions do. New York: Oxford University Press, 2001. 288 p.